

Русские философы о личностных истоках социальных концепций

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается осуществляемый русскими философами личностно-психологический подход к пониманию содержания социальных концепций. В частности, обращается внимание на попытку М. А. Бакунина и С. Н. Булгакова показать обусловленность учения К. Маркса о диктатуре пролетариата характерными чертами его личности. Высказывается мысль о том, что взгляды самого Бакунина во многом обусловлены чертами его личности.

В статье обсуждается и более общее положение о значении подхода с точки зрения человеческой природы для осмысления жизненности общесоциологических идей. В качестве примера применения такого подхода рассматривается осуществленная Бакуниным критика идеи диктатуры пролетариата, основанная на его представлении о естественной мотивации человеческого поведения в конкретных жизненных обстоятельствах.

Автор приходит к заключению о том, что психологическое толкование может дополнять социологическую конструкцию в плане ее соответствия человеческой природе, характерной для нее системе поведенческой мотивации. Кроме того, личностно-психологическое обоснование позволяет взглянуть на политологические или социологические концепции как феномены культуры, явно или неявно заключающие в себе определенные ценностные установки.

Ключевые слова: наука, социальное познание, личность автора, человеческая природа, тип личности

Для цитирования: Александров В. Б. Русские философы о личностных истоках социальных концепций // Управленческое консультирование. 2022. № 9. С. 116–124.

Russian Philosophers on Personal Origins Social Concepts

Vladimir B. Aleksandrov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; vladboralex@mail.ru

ABSTRACT

The article examines the personal-psychological approach of Russian philosophers to understanding the content of social concepts. In particular, attention is drawn to the attempt of M. A. Bakunin and S. N. Bulgakov to show the conditionality of K. Marx's teachings about the dictatorship of the proletariat with the characteristic features of his personality. The idea is expressed that the views of Bakunin himself are largely due to the features of his personality. The article also discusses a more general provision on the importance of the approach from the point of view of human nature in understanding the vitality of general sociological ideas. As an example of the application of this approach, Bakunin's criticism of the idea of the dictatorship of the proletariat, based on his idea of the natural motivation of human behavior in specific life circumstances, is considered.

The author concludes that psychological interpretation can complement the sociological construction in terms of its conformity with human nature, characteristic of it system of behavioral motivation. In addition, personal-psychological justification allows us to look at political or sociological concepts as cultural phenomena that explicitly or implicitly contain certain value attitudes.

Keywords: science, social knowledge, personality of the author, human nature, type of personality

For citing: Aleksandrov V. B. Russian Philosophers on Personal Origins Social Concepts // Administrative consulting. 2022. N 9. P. 116–124.

Теории познания, развивавшиеся в рамках классической рационалистической философии, так или иначе исходили из представления о субъекте познания как своего рода «мыслящем устройстве», деятельность которого осуществляется на основе универсальных категорий и законов логики. В духе этого способа трактовки познавательного процесса происходил и поиск основных форм, в которые должны «отливаться» его результаты. В настоящее время в методологии науки утвердилось представление о том, что целью научного познания и высшей формой, в которой выражаются его результаты, является научная теория, представляющая собой объективно истинное, системно организованное знание о некотором срезе объективной реальности.

Наряду с таким пониманием научного познания все более отчетливые черты обретает в XX в. и иной способ трактовки его природы, связанный с осознанием того обстоятельства, что научное познание представляет собой специфический способ самореализации личности ученого, обладающей определенными психологическими чертами и руководимой ценностными установками, укорененными в конкретной культуре. Одной из известных попыток переосмыслить в этом плане научное познание стала концепция личностного знания М. Полани. Он отмечает, что долгое время учеными руководило стремление исключить личность ученого из картины мира, понимаемой как образ реальности, существующей «сама по себе», «достичь абсолютно безличного знания, которое не признает существования личности и дает нам картину Вселенной, где мы сами отсутствуем» [6, с. 207]. Такая установка приводила к утрате полноты представления о природе научного познания. По его словам, «философское движение, основанное на стремлении к научной строгости, стало угрозой для положения самой науки».

Важнейшим шагом на пути преодоления этой тенденции в понимании научного познания должно стать критическое переосмысление представления о системности как главном принципе организации научного знания. Само стремление к созданию теории, понимаемой как идеал организации научного знания, должно быть понято как феномен определенной культуры, присущей ей формы самоосуществления человека, его самополагания в создаваемой им реальности знания. Эта культура не является носителем универсальных общечеловеческих ценностей, в равной степени, обнаруживающих себя во все времена. Более того, можно представить ценностную установку, в рамках которой системность является неприемлемой. Такую установку мы, например, встречаем у Ницше, который в афористически выразительной форме выразил сомнение в значении системности как цели познания, переведя оценку этого стремления в сферу морали. «Я не доверяю всем систематикам и сторонюсь их, — писал Ницше. — Воля к системе есть недостаток честности» [5, с. 560]. При ближайшем рассмотрении эти слова обнаруживают глубокий смысл, в особенности в том случае, когда речь идет о построении общесоциологических концепций или теорий, призванных отразить сущностные черты конкретных сфер общественной жизни. И действительно, теоретическая система, понимаемая как цель познания в социальных науках, несет в себе в скрытой форме мотив авторитарности и деспотичности, мотив претензии на доминирование над умами, на руководство социальной практикой, с правом принятия репрессивных мер в отношении несогласных. С таким проявлением теории, понимаемой как идеальная форма знания, мы столкнулись в эпоху преобразования общества на основе единственно верной концепции общественного развития.

В этом же духе высказывается и М. Полани, отрицая возможность всяческих универсальных форм научного знания. Он подчеркивал, что «наука не устанавливается путем принятия некоторой формулы, но есть часть духовной жизни, обособившаяся как поле, возделываемое по всему миру тысячами ученых специалистов; причем косвенно к этому полю причастны еще многие миллионы людей» [6, с. 246].

Все сказанное выше означает, что в исследованиях научного познания нельзя абстрагироваться от темы личностной вовлеченности исследователя в познавательный процесс, которая будет выступать как проявление не безразличия, заинтересованности в определенной трактовке исследуемого предмета и в стремлении представить знание в определенной форме. Такую заинтересованность вслед за Полани можно определить как *страстность*. «Страстность в науке, — по его словам, — это не просто субъективно-психологический побочный, но логически неотъемлемый элемент науки. Она присуща всякому научному утверждению и тем самым может быть оценена как истинная или ложная» [там же, с. 196].

Эта страстность может, в частности, выражаться и в форме стремления к объективному знанию, которое должно быть осмыслено не только как осуществление определенной методологической установки, но и как феномен определенной культуры и даже как проявление определенной черты характера, черты личности исследователя.

В социальном познании личностные особенности исследователя могут обусловить различные познавательные установки. Не вдаваясь в более тонкие личностные характеристики, имеющие значение для ориентации научного познания, остановимся в качестве примера на двух достаточно характерных типах, по-разному проявляющихся в процессе социального познания. Во-первых, это тип, характеризующийся интересом к индивидуальности, готовностью к сопереживанию конкретным людям, к поиску конкретной поведенческой мотивации людей в конкретных жизненных обстоятельствах. Во-вторых, это личностный тип, характеризующийся стремлением к глобальному видению, ориентацией на достижение мировой справедливости и всеобщего блага. Такие типы личности описал в свое время Ключевский, рассматривая их как результат осуществления одной из двух линий в воспитании. Первая из них, согласно ему, осуществляется в семье, вторая — в закрытых учебных заведениях. В первом случае человек привыкает понимать и любить *своих* и на этой основе «учится превращать *чужих* в своих *ближних*», это личность, воспитанная на «любви к ближним» [3, с. 27]. Во втором случае, «педагогика XVIII века... соорудила по правилам натуры и физики автоматическое сердце с беспредметной деятельностью, с чувством вечно действующим и ничем не питаемым» [там же, с. 25]. Наверное, существуют и другие основания для формирования этих двух типов личности. В данной статье мы отвлекаемся от этой темы как лежащей за границами исследования, ограничиваясь констатацией их существования.

В социальном познании первый тип личности может обнаружить себя в особом внимании к конкретному, человеческому измерению социальных процессов, второй в тяготе к общему взгляду, игнорированию частных деталей, конкретики событий, к построению обезличенных теоретических систем, призванных отразить универсальные законы общественного развития.

В этой связи представляют интерес попытки русских философов связать критику социальных теорий с личностными особенностями авторов этих теорий. Можно сказать, что их усилия во многом предвосхищали идею Полани о том, что человек в своих познавательных усилиях руководим «страстностью» и что «наши понятия о человеке и обществе должны отражать то обстоятельство, что их формирует человек и способствовать укоренению этого в общественном сознании» [6, с. 207].

Следует заметить, что размышления русских мыслителей в этом направлении явились проявлением свойственной отечественной философии антропологической

ориентации, обуславливающей интерес к жизненному опыту человека как основанию познавательной деятельности, противостоящий рационалистической концепции познания, свойственной западной философии. Эта последняя, как известно, предполагает, что в процессе познания реализуются некоторые универсальные схемы и методологические приемы. Опыт для русских философов означает «не внешнее познание предмета, как это происходит посредством чувственного восприятия, а освоение человеческим духом полной действительности самого предмета в его живой целостности» [7, с. 476]. Последние слова означают по сути дела, что жизненный опыт выступает основанием познавательной деятельности именно потому, что он выступает вместе с тем основанием формирования целостности определенного типа личности.

Конкретным примером попытки русских философов вывести особенности социальной концепции из личностных особенностей ученого является усмотрение оснований марксистской концепции исторического процесса, содержание которой формируется в терминах формации, социальной революции, диктатуры пролетариата, в личностных чертах К. Маркса. При этом в своих рассуждениях они по сути дела исходили из представления о двух типах личности, о которых было сказано выше.

Рассмотрим в свете сказанного некоторые пассажи из статьи С. Н. Булгакова «Маркс как религиозный тип». На основе анализа текстов Маркса, его полемики с несогласными, некоторых писем Маркса, а также впечатлений людей, непосредственно знавших его, Булгаков устанавливает, что тип личности этого человека является отчетливо диктаторским. «Многие знавшие его, — отмечает он, — видели в нем человека „нетерпеливого и властного самоутверждения, которым проникнуто все, в чем отпечаталась его личность“» [2, с. 244]. Он отмечает, что для такого рода личности свойственно «прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности». Люди для такого рода личностей превращаются «как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных, целей» [Там же]. Соответственно, в практической сфере другие люди выступают для них как объекты «для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного воздействия» [Там же]. В определенном смысле понятые таким образом личностные черты Карла Маркса соответствуют второму из очерченных выше типов личности.

По мнению Булгакова, упомянутые личностные черты определяют и направленность познавательных усилий их носителей. «В области теории эта черта выразится в недостатке внимания к конкретной, живой человеческой личности, иначе говоря, в игнорировании проблемы индивидуальности...под предлогом социологического истолкования истории» [Там же]. В сознании таких личностей умозрительные конструкции берут верх над конкретным анализом общества в терминах человеческих желаний и интересов. Таким образом, согласно С. Н. Булгакову, концепция исторического процесса К. Маркса явилась не только результатом теоретического обобщения фактов истории, но и проявлением личностных особенностей ее автора. По-видимому, сама работа с фактами находилась под влиянием его эмоционального отношения к подбору фактов, на основе которых выстраивалась его концепция.

На такую роль страстности и эмоций в процессе познания указывает и М. Полани. «В науке она (страстность — В. А.) утверждает научный интерес и ценность определенных фактов, подчеркивая в то же время отсутствие такого интереса и ценности применительно к другим фактам. Эта *селективная* функция (при отсутствии которой вообще нельзя было бы определить, что такое наука) тесно связана с другой функцией тех же эмоций, дополняющей их когнитивное содержание волевым компонентом» [6, с. 229].

Традиция понимания содержания научной концепции, выразителем которой явился С. Н. Булгаков, прослеживается в трудах мыслителя, творившего на полвека раньше. Мы имеем в виду критику марксизма в трудах большого русского мыслителя М. А. Бакунина, которому, как известно, приходилось лицом к лицу полемизировать с К. Марксом. Критикуя учение Маркса о диктатуре пролетариата, в качестве источника этого учения он видит его личностные особенности, которые обуславливают отсутствие интереса к человеческому плану социалистических преобразований.

Напомним, как у К. Маркса выглядит тезис о необходимости диктатуры пролетариата, который мы находим в знаменитой «Критике Готской программы». Маркс не прорабатывает человеческий аспект государства, принятие или непринятие государства людьми, связанное с естественным человеческим желанием свободы, стремлением к сохранению личностного суверенитета, а просто констатирует его необходимость. Его формулировка сугубо концептуальна: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [4, с. 23].

Для Бакунина государство по самой своей сути есть источник эксплуатации и угнетения, игнорирующий тему свободы личности. И согласно его анархической концепции оно должно быть упразднено. Стремление сохранить государство после революции в форме диктатуры пролетариата коренится, по его мнению, в личности К. Маркса.

Интерес Маркса к государству, придание особого значения государству обусловлено, по Бакунину, чертами его личности. При многих положительных качествах — ум, разносторонняя ученость и др. — он обладает рядом отрицательных черт — честолюбие, тщеславность, готовность идти на любые интриги для усиления влияния и распространения силы, он «нетерпим и абсолютен как Иегова». Маркс, по Бакунину, «совершенно политический человек» [1, с. 443]. Именно названные черты его личности, по мнению Бакунина, обусловили то значение государства, которое придал ему Маркс.

Логика Бакунина такова: «*доктринерные революционеры, имеющие целью низвержение существующих властей и порядков, чтобы на развалинах их основать свою собственную диктатуру... только враги настоящих властей, потому что они исключают возможность их диктатуры, но вместе с тем самые горячие друзья государственной власти*» [1, с. 438–439]. Маркс, как доктринер, руководствующийся созданной им доктриной общественного прогресса, в силу своих личностных особенностей не может отказаться в принципе от государственной власти. «Доктринерные революционеры под предводительством г. Маркса везде держат сторону государственности и государственников против народной революции» [Там же, с. 439].

С этой же методологической позиции он толкует и взгляды Ф. Лассалья, который, будучи близок Марксу по вопросу о том, что «освобождение пролетариата из-под ига буржуазии возможно *посредством только одного государства*, уходил от идеи революции и диктатуры пролетариата». Этот уход Бакунин связывает с его личностными чертами, значительно отличавшимися от личностных особенностей К. Маркса. Как известно, Лассаль склонялся к тому, что улучшение положения рабочего класса возможно в рамках принципа всеобщего избирательного права. С помощью этого права может быть создано «народное государство», которое будет представлять собой «пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия». Эта позиция Лассалья, в которой проглядывает понимание необходимости учитывать интересы людей, как известно, стала основанием для того, чтобы марксисты стали клеймить его как оппортуниста.

Известно, что Лассаль вел на эту тему переговоры с Бисмарком, за что его, по словам Бакунина, обвиняли в продажности и либералы, с одной стороны, и приверженцы Маркса, с другой. Истоки взглядов Лассалья Бакунин видел, прежде всего, не в теоретических аргументах, а в личностных особенностях этого человека, которые он характеризует следующим образом: «Лассаль не был человеком народа, потому что он слишком желтоперчаточный щеголь, чтобы встречаться с пролетариатом помимо митингов, где он обыкновенно магнетизировал его умною блестящею речью, слишком избалован был богатством и сопряженными с ним привычками изящно-прихотливого существования, чтобы находить удовольствие в народной среде, слишком еврей, чтобы он чувствовал себя ловко среди народа, и, наконец, слишком наполнен сознанием своего умственного превосходства, чтобы не ощущать некоторого презрения к неученой чернорабочей толпе, к которой он относился более как медик к больному, чем брат к брату» [1, с. 484–485]. Эти личностные особенности привели Лассалья к промежуточной позиции. Они не позволили ему, по мнению Бакунина, увидеть, с одной стороны, принципиальную невозможность использования государства для освобождения пролетариата, с другой стороны, к отказу от идеи диктатуры пролетариата в пользу более мягкой государственной формы. Мы видим, что у Бакунина аргумент от личного начала поглощает, и даже подчиняет себе концептуальную критику.

Общая установка Бакунина на поиск конкретных личностных оснований концепций государства, созданных Марксом и Лассалем, имеет и другую сторону — интерес к интерпретации способов функционирования предлагаемых в этих концепциях форм существования государственной власти через деятельность конкретных людей, так или иначе связанных с нею. В противовес «доктринерам», обосновывавшим необходимость государства (в частности, в виде государства диктатуры пролетариата) на уровне общих категорий, Бакунин свои рассуждения о его ненужности строит, опираясь на логику здравого смысла, психологический анализ мотивации, которой руководствуются конкретные люди. Именно мимо этого аспекта темы диктатуры пролетариата прошел Маркс, который, как позже будет говорить С. Н. Булгаков, в силу своего характера пренебрежительно относился к теме конкретного человека, человеческой индивидуальности. К стати говоря, подобная установка, воспроизведенная большевистским мировоззрением, нашла свое трагическое проявление в реальной практике диктатуры пролетариата в России.

Бакунин показывает, что невозможность и даже бессмысленность идеи диктатуры пролетариата вытекает из естественной психологии человека, о которой свидетельствует повседневный жизненный опыт. Маркс был «выше» такого видения и потому остался на уровне слишком абстрактного видения социальной реальности, игнорирующего человеческие страсти, эмоции и слабости, что в итоге обусловило ограниченность и социальную опасность диктатуры пролетариата.

«Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? — задает ся вопросом Бакунин. — Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?... Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут и управляемые, будут рабы» [1, с. 482].

Далее он развивает на основе все того же здравого смысла и психологического анализа критику идеи о том, что реально будет управлять не весь народ, а его представители. «Эта дилемма в теории марксистов, — пишет он, — разрешается просто. Под управлением народным они разумеют управление народа посредством небольшого числа представителей, избранных народом». Такую позицию он оценивает как «ложь, за которою кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли» [Там же]. «...Это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из

бывших работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь черно-рабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усумниться в этом, тот совсем не знаком с природою человека» [Там же, с. 483]. Интересно, что такое понимание природы человека весьма близко тому, которое даст через несколько десятилетий Ф. Ницше, символизировавший ее образом тарантула. Вот что писал Ницше, характеризуя эту черту человеческой природы: «Не доверяйте всем тем, кто много говорит о своей справедливости! Поистине, их душам недостает не одного только меду. И если они сами называют себя „добрыми и праведными“, не забывайте, что им недостает только — власти, чтобы стать фарисеями» [5, с. 72].

Наверное, многие не согласятся применить к себе это определение человеческой природы. Однако жизнь показала, что его автор не так уж далек от истины. Советская история убедила в том, что подобные формы проявления человеческой сущности вполне себе вероятны. Так что высказанное на уровне философских размышлений представление о человеке и его природе оказалось весьма эвристичным для оценки возможных эксцессов планировавшейся марксизмом формы народовластия.

С общей логикой критики учения Маркса о диктатуре пролетариата связана и позиция Бакунина по вопросу о возможности «научного управления государством», которое неизбежно обернется подавлением управляющей верхушкой, говорящей от имени науки, всего остального населения. Если принять эту точку зрения, утверждает он, — то получится, что небольшое количество ученых будут управлять целым миром! «Можно ли представить себе деспотизм нелепее и отвратительнее этого?» — задается он вопросом.

Представители науки, — по мнению Бакунина, — вызывают сомнение в силу того, что «ученый уже по своему существу склонен ко всякому умственному и нравственному разврату, и главный порок его — это превозношение своего знания, своего собственного ума и презрение ко всем незнающим. Дайте ему управление, и он станет самым несносным тираном» [Там же, с. 435]. И эти слова Бакунина нашли свое подтверждение в истории советской страны, когда убежденность в справедливости научной идеологии, на основе которой осуществлялось управление обществом, обусловило жесточайшую репрессивную социальную практику.

Действительно, создание некоей концепции, или доктрины, в терминологии Бакунина, рождает в сознании доктринера эмоционально наполненную веру в свою правоту, которая оборачивается готовностью осуществлять ее в реальной жизни. Как отмечал Полани, «эвристическая эмоция служит источником оригинальности как силы, побуждающей нас покидать общепринятую схему интерпретации и соглашаться (преодолевая при этом логический разрыв) на использование новой схемы» [6, с. 229].

Подход к пониманию социальной действительности с точки зрения человеческой природы приводит Бакунина к категорическому неприятию умозрительного конструирования реальности, «преобладания науки над жизнью» [1, с. 437]. Его манифест, касающийся возможностей науки в постижении конкретной жизни, может быть представлен следующим, высказанным им со всей определенностью, тезисом. «В противоположность всем метафизикам, позитивистам и всем ученым и неученым поклонникам богини науки, мы утверждаем, что жизнь естественная и общественная всегда предшествует мысли, которая есть только одна из функций ее, но никогда не бывает ее результатом» [1, с. 436–437]. Нетрудно заметить, что в этом высказывании просматривается понимание значения жизненного опыта как источника и основания познания, получившее дальнейшее развитие в трудах русских мыслителей XX в., в частности С. Л. Франка.

Конечно, способ мышления, которому следует Бакунин, может быть обращен на понимание истоков его собственных воззрений. За ними, очевидно, стоит его собственная стихийная, деятельная, практически ориентированная натура, характеризующаяся не только высоким интеллектом, но и способностью к сопереживанию, уважением к человеческой личности. По-видимому, именно она обусловила его убеждение в том, что социальные преобразования не совершаются на основе доктрин, игнорирующих готовность людей принять предлагаемые преобразования. Для появления такой готовности необходим соответствующий опыт социальной и практической жизни, необходимо преодоление свойственного России «поглощения лица миром». Бакунин со всей определенностью подчеркивает, «что прогресс совершается, конечно, не путем книжного образования, а путем естественно нарастания опыта и мысли» [1, с. 511].

Жизненно-практическая ориентация, свойственная его личности, обусловила, по-видимому, и сделанный им вывод о том, что сама жизнь должна «толкнуть всю огромную массу нашего крестьянства на путь самостоятельных экономических преобразований». На этом пути, по его мнению, произойдет образование «рабочих артелей и кооперативных обществ, ссудных, потребительских и производительных, и по преимуществу последних как идущих прямее других к цели, т. е. к освобождению труда от господства буржуазного капитала» [Там же, с. 506].

Оценка способа мышления, ориентирующего на установление «человеческих» истоков социальных концепций, исповедуемого названными русскими авторами, должна исходить, на наш взгляд, из представления о диалектике личностного фактора познания и методологических принципов, отражающих существенный аспект познавательной деятельности. Конечно, рассмотрение содержания социальных концепций как своеобразное отражение личности их автора во многом оправдано. Однако внимание к этой стороне социального познания не должно рассматриваться как замена научной методологии, специализированной деятельности, направленной на познание общественных процессов, в свойственных ей формах и с использованием свойственной ей методологии. На наш взгляд, личностное видение социального познания — это дополнение, хотя и весьма существенное, наполняющее объемом и человеческим смыслом научные построения. Оно позволяет углубить представление об основаниях появления тех или иных социальных концепций, а также углубить интерпретацию функционирования социальных институтов (в рассмотренном выше случае — государства), необходимость которых обосновывается в данных концепциях.

Вообще подход с точки зрения представления о человеческой природе, ориентирующего на осуществление личностно-психологического истолкования социальных конструкций, на установление мотивации человеческого поведения, которое должно наполнить жизнью эти конструкции, позволяет глубже понять возможность тех или иных социальных преобразований, откорректировать казалось бы в полной мере научно обоснованные теоретические построения.

Сказанное, конечно, не означает призыва к «психологическому редукционизму». Речь идет о том, что психологическое толкование может встраиваться в сугубо социологическое объяснение, существенно корректируя его и стимулируя создание таких концепций, которые будут согласовываться с человеческим видением исторической реальности. Кроме того, личностно-психологическое обоснование позволяет взглянуть на политологические или социологические концепции как феномены культуры, явно или неявно заключающие в себе определенные ценностные установки.

Несколько слов об активной критике Бакуниным доктринерства, навязывающего жизни умозрительно конструируемые схемы, и противопоставлении ему точки зрения социальной практики и вырастающего на ее основе осознания необходимости тех или иных форм социальных и экономических преобразований. Несомненно,

доктринерство, игнорирующее реальный социальный опыт, неприемлемо. Однако вряд ли хороша и другая крайность, сводящая социально значимое знание, по сути дела, исключительно к обыденным представлениям, вырастающим на основе жизненного опыта. Следует, видимо, иметь в виду, что доктрины бывают разного качества. Многое в их научной и практической значимости зависит от степени их фактической обоснованности. Доктрины, или, аккуратнее говоря, теории тоже могут появляться как результат осознания того, что дает новый социальный опыт. Кроме того, отводя знанию исключительно служебную функцию по отношению к стихии естественного развития, Бакунин игнорирует тему перспективного видения, которое при всей его проблематичности может стать основой для обсуждения тех организационных форм, которые рассматриваются как соответствующие существующему жизненному опыту.

Литература

1. Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М. : Правда, 1989.
2. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человекобожия Л. Фейербаха) // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. М. : Наука, 1993.
3. Ключевский В.О. Два воспитания // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX. М. : Мысль, 1990.
4. Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 2. М. : Государственное издательство политической литературы, 1949.
5. Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М. : Мысль, 1990.
6. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М. : Прогресс, 1985.
7. Франк С.Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Bakunin M.A. Statehood and anarchy // Bakunin M.A. Philosophy. Sociology. Politics. M.: True, 1989 (in Rus).
2. Bulgakov S.N. Karl Marx as a religious type (His attitude to the religion of humanity L. Feuerbach) // Bulgakov S.N. Works in two volumes. Vol. 2. M.: Science, 1993 (in Rus).
3. Klyuchevsky V.O. Two educations // Klyuchevsky V.O. Works in nine volumes. Vol. IX. M.: Thought, 1990 (in Rus).
4. Marx K. Criticism of the Gothic program // K. Marx, F. Engels. Selected works. Vol. 2. M.: State Publishing House of Political Literature, 1949 (in Rus).
5. Nietzsche F. Writings in two volumes. Vol. 2. M.: Thought, 1990 (in Rus).
6. Polani M. Personal knowledge. Towards postcritical philosophy. M.: Progress, 1985 (in Rus).
7. Frank S.L. Spiritual foundations of society. M.: Republic, 1992 (in Rus).

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; vladboralex@mail.ru